

РОМАН-ДРАЙВ

ЛЕКАРСТВО ПРОТИВ ИЛЛЮЗИЙ

КОГАН
ТАТЬЯНА

Татьяна Васильевна Коган

Лекарство против иллюзий

Серия «Роман-драйв»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25204887
Коган, Татьяна Васильевна. Лекарство против иллюзий.
Издательство «Э»; Москва; 2017
ISBN 978-5-699-99428-1

Аннотация

Жизнь продюсера звукозаписывающей компании Марины Летовой многим казалась сказкой: блестящая карьера, известность в московской музыкальной тусовке, налаженный быт, в любовниках – известный адвокат. Но почему-то это глянцево-благополучие с каждым днем все сильнее тяготило Марину и она мучительно искала выход из жизненного тупика, не замечая, что за ней уже давно следят... На другом конце земли, в Магадане, фотограф Саша Агеев стал случайным свидетелем того, как двое преступников закапывали на сопке тело убитой девушки. Саша обратился в полицию, и убийц довольно быстро нашли, но это был еще далеко не конец мрачной истории... Марина и Саша пока даже не подозревали о существовании друг друга и уж тем более не предполагали, что спастись они смогут только вместе...

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Татьяна Коган

Лекарство против иллюзий

© Коган Т. В., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Пролог

Он караулил ее уже сутки. Лежал в снегу, боясь лишний раз пошевелиться, размять затекшие мышцы. Он подкрался достаточно близко. Любое неосторожное движение могло ее испугать – и тогда неизвестно, сколько еще пришлось бы ждать. Хорошо хоть, температура удивительно высокая для этого времени года – всего минус 19 градусов. Обычно в начале апреля на острове Врангеля тридцатиградусный мороз. И метели.

Когда Сашка готовился к поездке, знакомый профессор советовал перенести вояж на июль – разгар лета. Мотивировал тем, что вплоть до мая высока вероятность ураганных ветров, скорость которых достигает 150 километров в час. На открытых пространствах ледяных долин вырастают сугробы высотой с 8-этажный дом – в таких условиях работать будет сложно. Но Сашка отговоры пропустил мимо ушей. Он точно знал, что на остров необходимо попасть в тот момент, когда медведицы выводят из берлог медвежат.

С администрацией арктического заповедника проблем не возникло: фотографам всегда рады, тем более в составе международной экспедиции. Через двухсоткилометровый пролив Лонга летел на «Ан-2», вслушиваясь в наукоемкие речи ученых-попутчиков и поглядывая в иллюминатор. Меж рваных полос густого тумана мелькали изборожденные трещи-

нами торосы и отвесные прибрежные скалы.

Долго пришлось отбиваться от компании навязчивого гида, призванного сопровождать коллектив в диких местах. Он никак не хотел отпускать подопечного в самостоятельный рейд. Уже много лет на острове никто не живет. Раньше здесь было три поселения, однако в конечном итоге немногочисленных жителей перевезли поближе к обитаемой земле – на мыс Шмидта. Так что интравертному путнику без куратора не обойтись: если заблудится, дорогу спросить будет не у кого. Плюс опасность встречи с хищниками. Полярные медведи не столь агрессивны, как бурые, зато более любопытны. Последний факт Сашка уже успел ощутить на себе.

После жесткой перепалки гид привел его в горы Дрем-Хед, к заброшенному кунгу. Неохотно ретировался, проговорив заученные напутствия и уточнив время возвращения к самолету – через 30 часов. В железном кузове военной машины раньше столовались зоологи, наблюдавшие за животными, – на склонах гор ежегодно устраивали «родильные дома» несколько сот медведиц.

В металлическом жилище Сашка растопил буржуйку, проверил технику, перекусил и собрался на разведку. Повернул замок, потянул за ручку, открыл дверь. Ступил за порог и поймал взгляд блестящих черных глаз.

Однозначно самец. У самок шея тоньше головы, да и размеры не такие внушительные.

Косолапый явно раздумывал, как себя вести дальше. Оче-

видно, что выскочившее из укрытия существо – не кто иной, как невероятно уродливый медведь. Худой, но в холке повыше будет. Следовательно, может быть опасен. Не мешало бы продемонстрировать ему свою агрессивность, на всякий случай.

Сашка лихорадочно соображал. Можно было закрыть дверь и благополучно отсидеться. Но кто даст гарантию, что гость не явится вновь? Главное – не паниковать. Дело не в страхе. Его нет. Дело в том, что нужно поступить правильно, чтобы не сорвать долгожданную съемку, чтобы спокойно передвигаться по тундре, не отвлекаясь на необходимость обороняться. Он же готовился к подобным эксцессам. Специальную литературу штудировал! «Память напряги, идиот!» – выругался он и сразу улыбнулся. Буквально на днях он читал статью о повадках полярных хищников, там же черным по белому...

Сашка шагнул на скрипучий снег. С губ сорвался странный звук, походивший на громкое кошачье шипение. Сделал два резких выпада вперед и остановился метрах в десяти от медведя, всем своим видом давая понять, что готов порвать незваного гостя на кровавые ошметки. Спектакль копировал стандартное поведение угрожающего медведя. Только бы сработало!

Зверь дрогнул, колеблясь, и позорно пустился наутек.

Сашка медленно выдохнул. Сердце учащенно колотилось. Захотелось расстегнуть меховой воротник, такой жар нака-

тил. Наклонился, зачерпнул снега, умыл горящее лицо. Внезапно пришло осознание: ведь рисковал, серьезно рисковал! Представители фауны в заповеднике вполне миролюбивы, поскольку проблем от человека получают по минимуму, но все же хищник остается хищником.

...Вентиляционное отверстие было узкое, затянутое слом инея. Невооруженным глазом и не разглядеть. Сашка подкрутил бинокль: без сомнения, это было окошко еще не «распечатанной» берлоги. Надо расположиться где-то рядом, установить фотокамеру и ждать. Фокус навести на площадку чуть ниже по склону. Самки откапываются так, чтобы зимовальное помещение оставалось выше входа, дабы внутри сохранялось тепло. Прежде чем навсегда покинуть убежище и повести малышей к побережью, на первую в их жизни охоту, самка с медвежатами еще не раз заночует в берлоге после дневных прогулок по окрестностям.

Сашка вырыл в снегу углубление, расстелил непромокаемый коврик и улегся. Теплый комбинезон отлично защищал от холода. Никаких неудобств, за исключением скуки от бездействия. Уже через пару часов начал нетерпеливо кусать губы. «Нда, снайпером ты бы подрабатывать не смог». Впрочем, с детства он мечтал о том, чтобы стать фотографом – и стал. Хотя воспитатели магаданского детского дома, в котором он вырос, мальчиков направляли учиться на автомехаников, а девочек – на швей или поварих. Что ж, чинить машины он научился, диплом получил. И даже устроился по

профессии – в автосервис, где числился на хорошем счету.

Когда Сашка был маленький, лет пяти, отец-дальнобойщик брал его в долгие рейсы. Мальчишка глядел в окно грузовика, наблюдая, как между сопок – серо-зеленых летом и серо-белых зимой – петляет унылая Колымская трасса. Отец подмигивал и ворошил его волосы:

– Что, сынок, скучно?

Скучно Сашке не было.

– Я вот раньше тоже думал: отчего люди песни про Север слагают, ведь глазу не на чем остановиться. Деревья карликовые, небо низкое, море ледяное. А вот выехал в свой первый рейс и прозрел. Посмотри, какие просторы! И природа... Знаешь, есть красота, которую сразу видно, а есть такая, которую нужно почувствовать. Первую увидишь – и забудешь. А вторую всегда будешь в сердце носить.

Ребенок высокопарные речи не разумел, но звук папиного голоса ему нравился. Под него было хорошо засыпать. Однажды Сашка проснулся и долго не мог понять, что происходит. Милицейский «уазик», мужчины в форме, красные пятна на лобовом стекле. Кроме отца, родственников у ребенка не было. Его определили на государственное попечительство.

Сначала Сашка не понимал, почему его папу, заснувшего за рулем, увезли в белой машине с красным крестом и до сих пор не возвратили. Папка поспать любил, но не столько же дней подряд! Каждый день мальчик ждал, что во время за-

нятий в класс войдет директор и скажет строгим и одновременно радостным голосом: «Агеев, на выход. К тебе приехали!» Он выбежит во двор и увидит отца. Тот виновато улыбнется, обнимет сына и велит собирать вещи. Они покинут интернат и отправятся домой.

Но минули неделя, месяц, год, а отец так и не пришел. Когда Сашке исполнилось семь, старший товарищ рассказал ему про смерть. Долго расписывал, что это такое: человек перестает дышать, видеть, слышать. Сколько его ни тормози, не очнется. Он как бы есть, но на самом деле уже исчез и больше никогда не вернется.

Сашка догадался, что папа умер.

Ветер усилился, снежная крошка колола лицо, он подтянул шарф, закрыв губы и нос. Она вот-вот должна выйти. Сроки горят. Большинство ее соплеменниц уже выбрались наружу.

Идея поснимать на острове родилась два года назад, но позволить себе эту авантюру Сашка смог только сейчас. Копил деньги на профессиональную фототехнику и амуницию. Друзья к столь странному наваждению относились скептически. В самом деле, лучше бы фотографировал людей – они, по крайней мере, платежеспособны. Иметь красивый портрет не прочь каждый обладающий толикой самолюбия гражданин. Мастеров данного жанра в городе мало, Сашка – один из них. Немного пиара – и от клиентов не будет отбоя. Так нет же, животные ему понадобились! Да еще дикие.

Он не мог объяснить себе это желание. Но привык доверять интуиции, и в последнее время она все настойчивее требовала не откладывать мероприятие. Рефлексировать над предчувствием – занятие глупое и неблагодарное. Ты или сразу же принимаешь его, или раз и навсегда отказываешься. Сашка выбрал первое. К чему приведет поездка – не так уж принципиально. Важно, что в данную секунду, зарывшись в сугробе, изредка снимая перчатки и дуя на заочевшие пальцы, он ощущал спокойствие, почти умиротворение. Так бывает, когда ты уверен в правильности совершаемого поступка. Как будто именно этот поступок должен был запустить необратимую цепочку событий, которые – Сашка чувствовал – приведут его к особенному, беспрецедентному итогу.

Взгляд в сотый раз скользнул по склону. Та же неизменная засвеченная пленка белого покрова. И как эскимосам удастся различать сорок оттенков снега? Сашка прищурился. Направил объектив на черную точку, которую раньше не видел. Навел фокус, отрегулировав резкость. Мокрая бляшка медвежьего носа качнулась вправо, потом влево. А затем рванулась вперед.

Самка была молодая. Гладкий бледно-цыплячий мех еще не успел приобрести грязно-желтого оттенка. Красавица. За нею следом из берлоги высунулась крошечная ослепительно белая мордочка. И еще одна. Медвежата с любопытством втягивали воздух, принюхиваясь к новым запахам открытого

пространства. И, учуяв что-то необычное, испуганно прятались за мамины лапы. Через секунду осторожно выглядывали, словно трусоватые воришки. Самка разгребала наст, докапываясь до растительной ветоши и кустиков ив – первых весенних кормов, а детеныши увлеченно возились в снегу.

Кадры получились великолепные.

Работал до вечера, пока семейство не скрылось на ночевку. От усталости и ветра глаза слезились. Сашка собрал вещи и отправился к кунгу. Немного отдохнуть, выпить чаю – и на базу. Пока шел, размышлял, что есть повод для гордости. Сделанные фотографии не стыдно будет отправить в журналы или на специализированные сайты.

Вскипятил воду. Горячая жидкость обжигала небо, вливая в тело приятное тепло. Сашка нахмурился: что-то было не так. Казалось бы, он выполнил все, что задумывал. Было бы уместно довольно улыбнуться и похлопать себя по плечу, но какая-то неоформленная мысль назойливо крутилась в подкорке.

Он загасил печь, скинул на спину рюкзак и вышел на улицу, заперев дверь на засов. Закрепил на ногах лыжи. До места сбора – час бега.

Солнце садилось. Тусклое миниатюрное пятнышко окрашивало однообразную пустыню снежных равнин и льдистого моря в нежно-сиреневый. Небо стало влажным, фиолетовым, еще минута – и закапают на землю густые капли опрокинутой гуаши. Померещилось, будто окружающее про-

странство пытается донести до него какую-то мысль. Бред. Эффект зрительной утомленности. Не хватало только галлюцинаций.

Сашка ускорил темп, начав дышать ртом. В затылке сверлило раздражающее ощущение чужого присутствия. Он обернулся назад и замер, едва справившись с волнением. Трясущимися пальцами расстегнул молнию на чехле, достал камеру. Опустился на одно колено. Нажал спусковую кнопку. Клад, клад, клад. Облизнул пересохшие губы.

Теперь он знал, для чего сюда рвался.

Ради одного этого снимка.

* * *

– Погодите, что значит «не хотите рисковать»? Мы же с вами отслушали материал, вам понравилось! Ведь понравилось? Ребята талантливые. Что же изменилось за сутки? Куда исчезла уверенность, что будет взрыв? – Марина едва сдерживалась, чтобы не ответить собеседнику грубостью. Ей, генеральному продюсеру независимой звукозаписывающей компании «Холидей Рекордс», не раз приходилось доказывать дистрибьюторам перспективность того или иного нераскрученного исполнителя. И зачастую дар убеждения приводил к положительным результатам. На днях сидела до часу ночи в кабинете директора концерна, с которым уже много лет плодотворно сотрудничала. Крутила мастер-диск,

глядела горящими глазами и читала на лице господина Градина ответный восторг. Решили не затягивать и на неделе подписать договор. Тут же ребятам позвонила, обрадовала. И нате! Барин передумал. А ведь на него единственная надежда была! Другие дистрибьюторы наотрез отказались.

– Ладно, Сергей Степанович, давайте-ка остынем и созвонимся завтра! – Марина положила трубку и громко выругалась.

Вот же трусливый пройдоха, чтоб его! К благотворительности Марина никогда склонна не была. Если и бралась за раскрутку молодых дарований, то лишь будучи уверенной в несомненном успехе. Группа «Арктика», пожалуй, являлась редким исключением. Марина сомневалась, готова ли русская публика принять подобную музыку. Проект слишком необычный, на грани фола, и, скорее всего, убыточный. Но как же хотелось рискнуть, попытаться донести его до слушателя!

Она надела наушники и откинулась на спинку кресла, вспомнив, как месяц назад задержалась в офисе допоздна. Был аврал в связи с релизом нового сборника, оставалась пара дней, а еще не все авторские договоры были подписаны. Робкий стук в дверь заставил Марину оторвать голову от бумаг.

– Да! – Ее крик означал что угодно, кроме радушия.

В кабинет вошел привлекательный юноша лет семнадцати, одетый в излюбленный подростками неформальный при-

кид: потертые джинсы, худы и яркие кеды. Он потоптался у порога и шагнул вперед.

– Здравствуйте.

«Промоутер, что ли? Или билеты в театр распространяет? Интересно, как его охрана пустила?»

Паренек опередил ее вопрос:

– Марина Николаевна, вы меня извините. Меня зовут Вадим. Мы с друзьями... Короче, вот, возьмите. – Он протянул флешку.

Почему она тогда просто не нажала кнопку вызова охраны, чтобы наглого гостя выпроводили вон? Почему она вообще взяла эту чертову флешку? Не сказать чтобы отличалась великим любопытством. В папке на мониторе высветились три песни в формате mp3. Наверняка очередной школьный ансамбль с раздутым эго жаждет попасть на вершину музыкального Олимпа. Эх, дети... Включая «Play», Марина уже обдумывала, как откажет пацану.

Из динамиков полилась минорная мелодия. Короткое вступление оборвалось резко, дав начало иному звучанию – жесткому и надрывному. И почти сразу же вступил мужской голос с приятным тембром.

Она прослушала все три песни, а затем повторила. Запись была непрофессиональной, сделанной где-нибудь в домашней студии, но, черт возьми, это не имело никакого значения, никакого!

Марина уставилась на паренька и молчала целую веч-

ность. Потом указала на стул:

– Рассказывай.

Вадиму и двум его приятелям, с которыми он организовал группу, было по двадцать. Сами писали, сами исполняли. К тому моменту у них накопилось пятнадцать треков, оставалось лишь отшлифовать.

– А название у вашей группы есть?

– «Арктика».

– Хм. – Марина одобрительно кивнула. Их музыка – мощная, бескомпромиссная, пробирающая до нутра – как нельзя лучше соответствовала эпитету «арктический».

– Решение принимаете? – спросил Вадим. – Молчите, подбородок гладите.

– Умных книжек по психологии начитался? Нет. Решение я не принимаю, – заметив мгновенно поникший взор паренька, добавила: – Уже приняла.

Маринин азарт ее коллеги и друзья не разделили. Большинство из них после насильственного прослушивания композиций только пожимали плечами. Марина их не винила, ей и самой собственное неожиданное помешательство казалось странным и нелогичным. И все-таки от своей затеи она не отказалась.

Альбом подготовили в считанные дни. Дело оставалось за малым: оформить и отпечатать обложку и наладить канал сбыта. Здесь-то и начались проблемы.

Дизайн обложек Марина Николаевна отбраковывала один

за другим.

Она сняла наушники, выкатилась на кресле из-за стола и проорала в открытую дверь секретарше, чтобы та позвала дизайнера.

– Не надо меня звать, я сам иду. – Высокий мужчина с кудрявой шевелюрой страдальчески закатил глаза. Положил на стол распечатку макетов: – Оценивай! Вложил остатки своей гениальности. На большее я не способен! И не проси!

Она пролистала красочные распечатки. Яркие и эффектные, но ни к селу ни к городу.

– Ты мастер!

Дизайнер Сергей подозрительно прищурился:

– И?

– И эти обложки фантастически подойдут для женских попсовых коллективов. Вот серьезно, ты сохрани, у нас их потом с руками оторвут.

Сергей насупился, скрывая обиду:

– Ты мне нормально объясни, что тебе надо! Картинку мне какую-нибудь дай как пример! На что ориентироваться?

– Хорошо! – покладисто отозвалась Марина. Ссориться с Сергеем не стоило: креативщик он талантливый, конкуренты его с руками оторвут, появишься такая возможность. – Я попроюсь в Интернете, поищу, что приблизительно подойдет, и покажу тебе.

В кабинете было душно. Три дня назад офисная система кондиционирования накрылась медным тазом, а представи-

тели сервисной службы уже дважды переносили визит ремонтной бригады. Как назло, летняя температура была рекорды: уже вторую неделю стрелка термометра не опускалась ниже отметки 37 градусов – и это в тени!

Марина включила вентилятор на полную мощность, подставив лицо под освежающие струи. Сейчас бы домой, под холодный душ, а затем включить бессмысленные и беспощадные сериалы и пялиться в экран, ни о чем не думая. Увы, домой она сегодня попадет не раньше полуночи. После работы заедет Адамов – сперва ресторан, затем клуб.

Отношения с Тимуром ее полностью устраивали: о любви речи не шло, зато присутствовали симпатия и уважение. Оба не строили долгосрочных планов, хотя мама прожужжала Марине все уши: когда же замуж, часики тикают, а рожать еще!

Марина скривилась: через месяц ей стукнет тридцать четыре, а материнского инстинкта – ни в одном глазу (или где там он должен быть?). Поколение такое пропащее, лишенное инстинкта продолжения рода, или это с ней что-то не так? Лучше об этом не думать, а то настроение испортится.

Она набрала в строке браузера адрес фотосайта. Листала страницу за страницей, придирчиво изучая фотографии, но ни одна не цепляла. Что ж за день такой бестолковый!

В дверь постучали и сразу вошли. Высокий грузный мужчина в ковбойских ботинках улыбнулся в приветствии, отодвинул стул и без приглашения уселся напротив.

– Добрый денечек.

Марина откинулась на спинку кресла, скрестив руки на груди. Добрый денечек грозил окончательно dokonать ее.

– Здравствуйте. – Она постаралась, чтобы ее голос не звенел от злости. – Разве мы с вами договаривались о встрече?

– Извиняюсь за инициативу, Мариночка Николаевна, – развязно откликнулся мужчина. – Но мы с вами кое-что не порешали. А я терпеть не могу нерешенных вопросов.

Марина медленно выдохнула, мысленно сжигая на костре пропустившую незваного гостя секретаршу.

– В прошлую встречу я вам объяснила, что наш лейбл не заинтересован в вашем проекте.

– Это вы *пока* не заинтересованы, – с нажимом ответил он. Взял со стола отрывной листик и ручку и быстро что-то написал. – А если вот так? – Он привстал и с размахом впечатал листок в крышку стола, заставляя Марину невольно посмотреть на обозначенную цифру.

Сумма впечатляла, но абсолютно ничего не меняла. Мужчина этот, представившийся каким-то вычурным именем, которое Марина даже не потрудилась запомнить, уже вторую неделю атаковал ее предложениями сотрудничества. Он убеждал ее выпустить альбом новой, пока еще никому не известной исполнительницы под лейблом «Холидей Рекордс» и был так уверен в качестве предлагаемого материала, что Марина честно прослушала записи. После чего сказала твердое «нет». Но новоявленный горе-продюсер не сдавался.

– Я вынуждена повторить предыдущий ответ.

Собеседник смерил ее полураздраженным, полувосхищенным взглядом.

– Аппетиты у вас, надо сказать, не по статусу.

«Дело не в аппетитах, а в том, что вы хотите скормить нам откровенное дерьмо», – едва не вырвалось у Марины. Вместо этого она вежливо улыбнулась:

– Думаю, вам пора.

– Слышишь, девочка. – Лицо мужчины мгновенно изменилось, а огромные ручищи демонстративно сложились в кулаки. – Ты очень много на себя берешь. Ты здесь кто? Всего лишь наемный работник, задача которого – приносить прибыль владельцу. Ты что же, думаешь, я до твоего хозяина не дойду?

– Вы можете идти, куда вам вздумается, и чем скорее, тем лучше. А у меня, к сожалению, не так много свободного времени, поэтому – прошу. – Она жестом указала на дверь. – Выход там.

– Ну что ж, сама виновата, будут последствия. – Мужчина резко встал, стул с грохотом упал. Он оттолкнул его мыском ботинка, остервенело дернул ручку двери и вывалился из кабинета.

Марина закрыла глаза и несколько секунд сидела, пытаясь успокоить зачастивший пульс. «Последствий» она не боялась. «Холидей Рекордс» – маленькая, но довольно успешная рекорд-компания, создавшая себе особую репутацию в

музыкальных кругах. Владелец компании – господин Снегирев – основал звукозаписывающий инди-лейбл с целью погладить свое самолюбие, а потому за деньгами особо не гнался. Его целью было выделиться, донести до публики высококачественный продукт, о чем он и поведал несколько лет назад Марине Летовой, принимая ее на работу:

– «Холидей Рекордс» должны ассоциировать с исключительным материалом высшей пробы. Пусть это будет всего несколько релизов в год, но таких, от которых мурашки по коже. Поняла?

Марина не только поняла, но и всей душой принялась за реализацию замысла. С господином Снегиревым они ладили – во вкусах преимущественно совпадали, и вскоре он практически перестал участвовать в делах компании, полностью доверившись Маринину профессионализму и дошности.

В музыкальной тусовке новинки от компании «Холидей Рекордс» ждали с любопытством – год за годом госпоже Летовой удавалось удивлять публику.

Случился у нее лишь один провал. О нем никто не знал, кроме самой Марины. В общем-то, это был и не провал как таковой, скорее упущенный шанс, в котором и вины-то ее особой не имелось.

Однажды по радио она услышала сольный трек новой группы «Waterfall» и оцепенела от восторга. Музыка настолько впечатлила ее, что она тут же отыскиала контакты

представителя группы – им оказалась жена солиста, госпожа Крестовская – и предложила ребятам контракт. Крестовская поблагодарила за предложение и, с трудом скрывая радость, попросила, тем не менее, время на размышление.

Несколько дней Марина в нетерпении кусала губы и даже позволила себе снова позвонить и оставить голосовое сообщение, кратко перечислив бонусы от их вероятного сотрудничества. А неделю спустя узнала, что группа «Waterfall» подписала контракт с крупным мейджор-лейблом.

Группа произвела фурор. В считанные недели песни «Waterfall» стали звучать отовсюду, и каждый аккорд бил по расшатанным нервам, заставляя Летову проклинать себя за непрофессионализм. Прояви она чуть больше настойчивости, подбери нужные слова, может быть, смогла бы убедить ребят записываться в «Холидей Рекордс». И сейчас бы она, Марина Летова, почивала на лаврах, удовлетворенная тем, что открыла дорогу одним из самых ярких отечественных музыкантов.

Может, отчасти поэтому сейчас ей было так важно выпустить в свет «Арктику»? Потому что от их песен ее охватывали похожие чувства, как когда она впервые услышала по радио «Waterfall»? Они играли в разных жанрах, их стили отличались, насколько это только возможно, но и те и другие были чертовски талантливы. Имелся еще один нюанс. Если успех «Waterfall» не вызывал у Марины сомнений, то на счет «Арктики» она гарантий не давала. Слишком уж неод-

нозначные ребята.

Снегирев хоть и включал ей зеленый свет, но в рамках разумного – заведомо убыточный проект он бы ни за что не одобрил. А убедить его она не могла – прежде всего потому, что сама не испытывала уверенности. Если бы дистрибьютор согласился – это решило бы половину проблемы. Но увы. Сегодняшнее утро убило и эту надежду.

А что до идиота-продюсера, решившего сотворить из своей постельной куклы звезду эстрады, так пусть бесится и брызжет слюной. Кто другой – пожалуйста, но «Холидей Рекордс» не будет участвовать в продвижении исполнителей, унижающих публику одним своим существованием. И упущенная возможность подзаработать Летову тоже не огорчила. Образчиком непогрешимости она никогда не являлась, и львиную долю ее доходов составляла отнюдь не зарплата. Дополнительную прибыль при связях в шоу-бизнесе обеспечить легко – способов масса, причем относительно законных. А вот брать взятки ей претило. От одной мысли о том, чтобы потакать чужой распущенности и вседозволенности, становилось тошно.

Марина встала и вышла в холл, где за стойкой ресепшена говорила по телефону секретарша. Подождав, когда та закончит, Марина спросила:

– Лен, все нормально, я тебя не отвлекаю?

Молоденькая веснушчатая секретарша жизнерадостно улыбнулась:

– Нет, что вы, Марина Николаевна, я с типографией разговаривала.

– Угу, – Летова кивнула. – А с памятью у тебя как, тоже все нормально?

Лена заподозрила неладное и помедлила с ответом:

– Вроде бы да.

– То есть этого ковбоя ты пропустила намеренно, игнорируя мою просьбу?

– Ой, простите... Это про него вы говорили? – залепетала она. – Я не поняла, извините, пожалуйста.

Марина хотела сказать колкость, но сдержалась. Девчонка-то в целом неплохая, старательная. Подтормаживает регулярно, но это со временем пройдет.

Около семи позвонил Тимур.

К вечеру духота стала почти невыносимой. Несколько метров до машины показались Марине гонкой на выживание. Раскаленный асфальт источал волны жара, горячий воздух застыл плотной пеленой. Марина со стоном нырнула в прохладный салон автомобиля и подставила щеку для поцелуя.

– Ты выглядишь усталой, – поприветствовал ее Тимур.

– Могу ли я рассчитывать, что ты тоже устанешь сегодня ночью?

– Безусловно. – Он сверкнул белоснежной улыбкой. – Сделаю все, что в моих силах.

В клуб приехали в самый разгар мероприятия: известный

певец уже закончил разглагольствовать о своем дебюте в литературе и раздавал автографы на новеньких, пахнущих типографской краской книгах. Присутствующие вяло изображали заинтересованность, активно налегали на шампанское и икру.

Марина подавила зевок. Ей-богу, лучше бы они сразу отправились домой, где Тимур, как всегда, блестяще продемонстрировал бы свои умения и заставил ее забыть о тяжелом дне. Но он настаивал, что регулярное отсвечивание на подобных вечеринках – тоже часть работы, а потому не должно игнорироваться.

– Добрый вечер, Мариночка! – Продюсер популярной группы фамильярно погладил ее по плечу. – Скоро снова к тебе нагрянем, жди! Подготовили с девочками несколько новых треков.

Летова кивнула и бросила страдальческий взгляд на Тимура. Сейчас ей совершенно не хотелось общения, но, как назло, на вечеринке ее атаковали даже те, с кем она была знакома весьма поверхностно. Тимур вступил в диалог, и уже пару минут спустя продюсер с жаром рассказывал ему о сложной юридической ситуации и выслушивал рекомендации специалиста.

Марину восхищала деловая хватка Тимура. Он мог разговорить даже мертвого и убедить воспользоваться его юридическими услугами. Если бы сам дьявол решил заключить с ним сделку, Адамов наверняка подписал бы контракт на

выгодных для себя условиях – и ништяки бы заработал, и душу сохранил, если предположить, что она у него имелась. «Звездная» клиентура Тимура Адамова ширилась на глазах, он работал с утра до вечера, практически без выходных. И хотя Марина считала себя трудоголиком, своему любовнику она явно уступала и в шутку называла его роботом.

Покинули клуб в первом часу. Улицы уже начали остывать, дышать стало легче. Они медленно шли к парковке, наслаждаясь долгожданной прохладой.

– Спишь на ходу? – Тимур взял ее под локоток и бережно подтолкнул в открытую дверцу автомобиля.

– Не сплю. Заводи.

– Заведу, не сомневайся. – Тимур нырнул следом и повернул ключ зажигания. – Только до дому доедем и сразу же...

Тимур умел доставлять физическое удовольствие. Это был технически совершенный секс, который длился столько, сколько хотелось партнерше. После оргазма он привлек любовницу к груди, прошептал на ухо банальные нежности, пожелал «спокойной ночи» и мгновенно заснул. Марина выждала пять минут и тихо отстранилась. У нее никогда ни с кем не получалось заснуть в обнимку. Чужое дыхание отвлекало, чужое сердце оглушало, чужие объятия отбирали свободу.

Она отвернулась к стенке, уставившись на темную крапинку на обоях. Все в ее жизни было прекрасно. Успешная карьера, привлекательная внешность, достаток. Она купила

себе квартиру и машину, у нее есть время на спортзал и общение с друзьями. Но почему же так хочется плакать? Марина нервно вытерла слезы ладонью. Это обычное переутомление. Слишком много дел, стресс, еще эта жара убийственная. Нужно выкроить выходной, попить витамины.

В центре незанавешенного окна повис ноготок ярко-белого месяца.

* * *

Месяц был тоненький, пару дней от роду, и почти не светил. Только звезды, в изобилии рассыпавшиеся по иссиня-черному небосводу, робко разбавляли крошечную темноту ночи. В лесу пахло хвоей и кедровыми шишками. Остервенело стрекотали цикады, но их шумное пение лишь подчеркивало камерную тишину кедровой чащи. Мара сгребла в кучу мягкие еловые ветви, соорудив некоторое подобие пуфика. Уселась возле дерева, оперлась спиной о теплый ствол и закрыла глаза. Надо подождать до утра.

В том, что она заблудилась, нет ничего страшного. Топографическим кретинизмом Марка никогда не страдала и в свои 16 лет могла посоперничать с мастерами спортивного ориентирования. Просто она утомилась, да и местность в сумерках меняется, вводит в заблуждение. С рассветом будет проще найти дорогу к лагерю экологов, откуда она сбежала сразу после обеда. Лишь бы руководитель, Петр Сергеевич,

не заметил ее исчезновения до того, как она вернется. Придется рассказать ему о самостоятельно произведенной разведке и ее итогах.

То, что она будет лесником, Марка решила в раннем детстве. Дневала и ночевала в школе, в кружке юного натуралиста, где разгорались нешуточные споры: кто сегодня будет кормить белочек и хомяков и чистить клетки. Она с упоением ухаживала за животными в живом уголке и поливала маленькую оранжерею, твердо уверенная, что в жизни нет ничего более интересного. Когда семья переехала из небольшого городка в крохотную деревушку Хабаровского края, для девочки наступил рай.

Она помнила, как долго тащился автобус по бескрайней тайге, отмеченной лишь единственным штрихом цивилизации – плохо асфальтированной трассой. В окнах мелькали коричневые стволы и темно-зеленые кроны, подпирающие пасмурное небо. Позже она узнает, что на Дальнем Востоке не бывает затяжных дождей. Ливень всегда обрушивается неожиданно и мощно, но очень быстро заканчивается.

Автобус вырулил на проселочную дорогу и через полчаса скачков по ухабам въехал в богом забытый поселок. Их встретили серые заборы и разгуливающие по улицам коровы и козы. Мать невесело подмигнула:

– Не бойся, доченька, мы здесь проживем совсем недолго.

Ей в голову не могло прийти, что доченька еле жива от восторга – таким сказочным казался окружающий пейзаж.

Мать поцеловала в щеку румяную дородную женщину в спортивном костюме и с платком на голове, повязанном в стиле джарок. Та бесцеремонно оглядела девочку и потрепала по макушке:

– Хорошенькая! Хотя впервые за столько лет увидела племянницу!

Это была тетя Галя, которая пригласила сестру к себе, узнав о ее затруднительной ситуации после развода с мужем. Население поселка не превышало пары тысяч человек, часть из них работала в леспромхозе, часть – в школе. Остальные промышляли ловлей рыбы – под боком протекал приток Амура.

Все дома в поселке были одинаковые – спаренные, с идентичной планировкой, с побеленными фасадами и черепичными крышами. На задних дворах темнели сараи и бани, огороды, опутанные по периметру зарослями черемухи, зеленели плантациями картофеля и кукурузы.

Тетя Галя накормила гостей и повела на экскурсию по саду.

– Вот у меня улья, уже два раза мед качали, в этом году сбор сумасшедший. – Она с гордостью показывала свои владения, казавшиеся городским гостям артефактами из параллельного мира.

– Что, любопытно, да? – Тетя заметила, насколько потрясена племянница. – У нас при школе эколого-биологический лагерь открыт. Там тебе раздолье будет.

– Да мы на недельку-другую, дольше не задержимся, – за-протестовала мать.

Задержались на шесть лет.

Мара тряхнула головой, очнувшись от дремоты. Лучи проникали сквозь густую хвою, высвечивая кружащиеся в воздухе пылинки. Пряный медовый аромат щекотал в носу. Она улыбнулась, почувствовав себя отдохнувшей. Первая ночевка в лесу в одиночку, и с ней ничегошеньки не случилось!

Хорошее настроение тут же сменилось озабоченностью: накануне, когда они с ребятами из эколагеря ехали на двух-дневный open-air, она заметила мчащиеся по трассе лесовозы, груженные массивными бревнами. Откуда они здесь взялись – не ясно: зона заповедная, заготовительная рубка запрещена. Педагог Петр Сергеевич ее подозрения всерьез не принял, и тогда она решила выяснить все самостоятельно. И выяснила.

Километрах в семи от места, где разместился лагерь, Марка обнаружила проложенную сквозь чащу широкую вырубленную тропу, на которой запросто могла разъехаться пара грузовиков. А чуть дальше взору открылась отвратительная гигантская проплешина: кто-то цинично уничтожил часть заповедного леса. Ни людей, ни машин – кто бы здесь ни работал, они уже закончили. Черную землю избороздили глубокие следы «КамАЗов», там и сям валялись поломанные ветви и обрубки стволов.

Мара поспешила обратно в лагерь, но темнота застигла ее на полпути. При других обстоятельствах ночевать одной в тайге было бы неосмотрительно. Но шум бензопил и рычание грузовиков отпугнули диких животных, а значит, ей ничто не угрожало.

Утром сориентировалась быстро, до лагеря добралась за час, без приключений. Подруга Варька набросилась на нее с шальными глазами:

– Ты где была? Ты в своем уме? Мы все утро лазили по лесу, искали тебя! Петруха уже собрался вызывать эмчез-ников!

– Успокойся, я цела и здорова.

– Да я вижу! Попробуй это ему объяснить. – Варя скосила глаза в сторону учителя, приближавшегося размашистым нервным шагом.

Мара набрала в легкие побольше воздуха:

– Дайте две минуты. А потом ругайте!

Петр Сергеевич скрестил руки на груди и молча воззрился на нее. По мере того, как ученица рассказывала, выражение его лица менялось с сердитого на обеспокоенное, с обеспокоенного на негодующее, с негодующего на суровое.

– Ты уверена?

Марка насупилась:

– Конечно, уверена. На санитарную вырубку это даже близко не похоже.

– Место запомнила?

Марка кивнула.

– Показать сможешь?

– Еще бы.

– Тогда отдыхай. Позже наведемся вместе. А потом я свяжусь с сельхознадзором, уточню, выдано ли кому-нибудь разрешение на проведение рубки в этом месте. И ежели да, то в каком объеме.

– Я не ошибаюсь? У нас уже лет тридцать как кедр трогать запрещено?

– Не ошибаешься.

От волнения во рту пересохло. Марка сглотнула. Похоже, назревало первое серьезное дело в ее природоохранной практике.

* * *

Марина проснулась в девять утра. Хорошо быть боссом, всегда можно опоздать на работу – и никто тебя не упрекнет.

Она зевнула и потянулась, заметив, что Тимур уже уехал – пустынная половина кровати морщилась смятой простыней. Марина разгладила ткань ладонью и поправила подушку.

Обычно ей хватало двадцати минут, чтобы умыться, накрасться, позавтракать и одеться. Но сегодня она долго стояла под душем, лениво намыливая голову, потом так же долго наводила красоту и выбирала, какой кофе сварить.

Заместитель Виктор уже несколько раз звонил, но Мари-

на не брала трубку. Ничего страшного не случится, если она явится в офис к полудню – не так уж часто она себе позволяет подобное. Почти никогда, если быть точной.

Приталенное коричневое платье выгодно подчеркивало ее ладную фигуру, и в другой день Марина бы обязательно покрутилась у зеркала, но сегодня собственное отражение ей не очень-то нравилось. Черный цвет волос ей порядком надоел. «Стоит, пожалуй, вернуться к природному, каштановому», – подумала она рассеянно.

На улице душные волны горячего воздуха хлынули на нее, как из настезь распахнутой сауны. Казалось бы, жарче, чем вчера, быть попросту не могло. Но у природы, всегда готовой расширить рамки возможного, имелось личное мнение на этот счет. Марина с отвращением посмотрела на свой новенький «Вольво», припаркованный у тротуара. Одна мысль о том, чтобы сесть в раскаленную солнцем машину, заставила ее содрогнуться. Она достала из сумочки мобильный и вызвала такси.

Все дорогу до офиса она смотрела на мелькавшие за окном дома. Тысячелетие назад, когда она прилетела в Москву поступать в институт, частоколы многоэтажек пугали ее, заставляли ощущать себя чужаком. Девочка из глубинки долго боролась с чувством подавленности, которым мегаполис одаривает большинство не приспособленных к его ритму гостей. Теперь же многочисленные высотки – серые, белые, красные – успокаивали, как успокаивает дачника вид пропо-

лотых грядок и кустов малины. Город стал для нее родным, здесь ей было комфортно. Только чего-то не хватало в последнее время. Но чего именно?

Виктор Стеблин накинулся на нее прямо в холле, перехватив у кабинета. Хороший парень, профессионал, только слишком инициативный. Порой Марина не знала, как бы повежливее осадить его – и никогда не осаживала, потому что он всегда говорил правильно и по существу. А что до зашкаливающего энтузиазма – разве она сама такой не была в начале своей карьеры?

– ...поэтому будет целесообразно выпустить еще один сборник, учитывая...

– Вить, – оборвала его Марина на полуслове. – Побойся бога, давай для начала кофе выпьем, а? И я тебя с удовольствием выслушаю.

Стеблин расплылся в издевательской улыбке:

– Конечно, Мариш, извини. Бурная ночь?

– Попробуй только подколи меня, – с притворной угрозой буркнула она и повернулась к секретарше: – Лена, принеси нам эспresso и...

– Капучино, – подсказал Виктор.

– Ага, и капучино. – Марина кивнула и открыла дверь кабинета, жестом приглашая заместителя войти.

День выдался не слишком суетливый – к пяти часам Летова переделала все срочные дела, за исключением одного.

Она открыла фотосайт и принялась его изучать – не может такого быть, чтобы из тысяч снимков не нашлось того самого, идеально подходящего для обложки «Арктики»!

Через полчаса тщетных поисков зарябило в глазах. Выйдя на страничку очередного автора, Марина восторгалась – от фотографий северной природы, выдержанных в бледно-розовой и голубой гамме, веяло спокойствием и теплом, вопреки изображенным на них снежным бурям и ледяным торосам. Именно такое настроение должно быть на обложке альбома!

Она поочередно увеличивала снимки, дотошно изучая изображения, затем с сожалением закрывала. Увы, на одном настроении далеко не уедешь. Фотографии были великолепны, но в них чего-то не хватало. Крохотной детали, которая бы взорвала мозг, схватила за горло и не отпускала, подобно руке маньяка.

«Хороший фотограф, – подумала Марина, добавляя ссылку в «Избранное». – На досуге скачаю для заставки на компьютер».

День тянулся чудовищно медленно. Казалось, прошла целая неделя, прежде чем вечер все-таки наступил. Звонила подруга Светка, звала на кинопремьеру, но Летова отказалась – по такой жаре идти никуда не хотелось. Хорошо хоть, в офисе починили кондиционеры, иначе она бы точно повесилась.

– Марина Николаевна, к вам посетитель, – сообщила сек-

ретарша.

– Я-то думал, что я друг любезный, а оказывается, обыкновенный посетитель. – В проем двери вплыл пухлый улыбчивый молодой мужчина и тут же раскрыл объятия: – Привет, Мариночка, рад тебя наконец-то вживую лицезреть!

Летова расцеловала его в обе щеки:

– Привет, Гарри! Ты не просто любезный друг, ты свет в моем оконце!

– Вот даже как? – Парень поднял бровь и плюхнулся в кресло. – Никак госпоже Летовой что-то от меня нужно?

– Не все же мне одной тебе услуги оказывать, – не осталась в долгу она. – Теперь и у тебя появился шанс меня удовлетворить.

С Гарри Антиповым, арт-директором самого популярного в Сочи ночного клуба, они сотрудничали года два: периодически он просил посодействовать организации выступления того или иного артиста. Марина, в чьей записной книжке хранились номера телефонов практически всех отечественных исполнителей и менеджеров, отвечающих за их гастрольную деятельность, всегда с радостью помогала – за определенный процент, разумеется. Поскольку платил Гарри не из своего личного кармана, то деловой подход девушки добрым отношениям не мешал.

Общались они обычно по скайпу, и, хотя Гарри неоднократно приглашал ее в Сочи, усугубить знакомство, встреча никак не складывалась. Пока он сам не прилетел по рабочим

вопросам в столицу и заодно решил заскочить в «Холидей Рекордс».

– Слушай, может, пойдём поужинаем? – предложила Марина. – Тут ресторанчик есть неподалеку хороший.

– Двумя руками «за»! Показывай дорогу.

За бокалом красного вина и аппетитным мясным блюдом разговор тек непринужденно. Гарри удачно шутил, Марина смеялась, пока он наконец хитро не сощурился:

– Ладно, дорогуша, выкладывай. Что за дело у тебя? Я же вижу, есть какая-то идея, которая у тебя свербит, и ты с самого начала вечера выбираешь момент, чтобы о ней рассказать. Считай, что момент настал.

Летова отхлебнула вина, мысленно подбирая нужные слова.

– Ох и проницательный ты, Гарри!

– Ага. И, если помнишь, не люблю тянуть кота за хвост. Так что выкладывай, Летова. А то у меня через четыре часа самолет в Амстердам, времени в обрез.

– Ладно. – Она отставила бокал и на секунду задумалась. – В общем, есть новый коллектив, мы их еще не выпустили, только готовим. Удивительного таланта ребята.

– Так. Что за группа? Название?

– Название тебе пока ничего не скажет, они еще нигде не засветились. – Марина сделала паузу, решив не упоминать тот факт, что пара размещенных на специализированных сайтах треков осталась без внимания пользователей. –

Но ты можешь встать у истоков их славного пути.

Гарри снова сузил глаза:

– Здесь поподробнее. К чему ты апеллируешь?

– У тебя есть площадка, у меня есть группа. Пригласи их.

Пусть народ потихоньку узнает их.

Гарри откинулся на спинку стула, схватил вилку и принялся энергично ее крутить, обдумывая услышанное.

Марина напряженно ждала ответа. Не то чтобы от него слишком много чего зависело, но немножко паблисити «Арктике» не помешает. Может, и Гранин тогда разморозил бы, понял, что ребята перспективные, набирают обороты.

– Не томи, – не выдержала Марина, когда пауза затянулась.

– Тут такое дело, Мариш, – Гарри положил вилку и доверительно наклонился над столом. – Ты просишь рискнуть и пригласить никому не известную группу?

– Пока неизвестную, – излишне горячо откликнулась Марина и тут же одернула себя, заговорила спокойнее. – Скоро мы выпустим их альбом, почти все готово. У них совершенно уникальный материал, ни на что не похожий.

– Это меня и пугает. Публика не любит, когда ни на что не похоже. Народу нравится привычное со свежей струей. Наша задача – развлекать слушателя, а не устраивать революцию. Тем более когда революционеров знать никто не знает.

Марина выбрала на телефоне песню, достала наушники и протянула их парню:

– На, послушай.

Гарри неохотно подчинился.

– Да, звучание неплохое, – ответил он тремя минутами позже и поспешно снял наушники, чтобы собеседнице не пришло в голову поставить второй трек. – Но я работаю только с популярными коллективами, ты же знаешь.

– В жизни всегда есть место подвигу.

– Ох, Мариша, – Гарри развел руками, демонстрируя наметившийся живот. – Разве я похож на героя?

– Да тут и героем быть не надо. – Летова следила за тем, чтобы не звучать слишком отчаянно. – Ты не обязан верить в их успех. Ты их не знаешь. Но ты знаешь меня, так? И до настоящего времени все выпущенные мною проекты успешны. Ребят ждет слава, и ты можешь быть к ней причастным, потому что одним из первых дашь им возможность выступить!

Улыбчивые глаза мужчины заметно потускнели – разговор начинал тяготить его. Летова помолчала.

– Ладно, извини, что загрузила. Ты рискуешь, ты прав. Мне не следовало давить на тебя и предлагать нечто подобное. Это бизнес, я понимаю. Это было непрофессионально с моей стороны. И нечестно – я ведь не могу дать стопроцентных гарантий, что эта группа выстрелит.

Она подлила себе вина и выпила сразу полбокала.

Несколько минут они сидели в полной тишине – Гарри сверлил Марину задумчивым взглядом, а Марина старательно отводила глаза.

– Знаешь что? – Неожиданно серьезный тон собеседника заставил ее вздрогнуть. – У меня есть к тебе встречное предложение. Чисто гипотетически, предположим, мне позарез нужно пригласить один претенциозный коллектив. И если бы какая-то царевна поспособствовала этому, то я бы ответил ей взаимной любезностью.

– Знай, близка судьба твоя: ведь царевна – это я, – подыграла ему Марина, чувствуя, как предательски участился пульс. – Что ж ты сразу с этого не начал? Кто тебе понадобился? Я тебе кого угодно подтяну.

– «Waterfall».

– Кого угодно, кроме них.

– Нужен «Waterfall», Мариш. На югах они ни разу не выступали, поэтому мне особенно важно первым заманить их в Сочи.

Летова мгновенно сникла. Договориться с солистом Крестовским и его группой было совершенно нереально. После нового альбома они так зазвездились, что стали почти недосягаемы.

Она следила за ними с самого начала. И когда за последние пару лет группа не выдала ни одного хита, Летова в глубине души позлорадствовала, несмотря на то что искренне восхищалась их творчеством. Так им и надо! Не захотели выпускаться под лейблом «Холидей Рекордс», получите творческий кризис. Конечно, эти два факта никак не связаны, но пофантазировать-то можно в угоду задетой гордости?

Прошлой осенью поползли слухи, что солист то ли сбежал, то ли записался в отшельники – если так, то длилось его отшельничество недолго. Вскоре по музыкальным каналам начали крутить клип на новую песню, которая произвела настоящий фурор¹. «На пути в Вальхаллу» Летова слушала добрую сотню раз. После долгого молчания ребят словно прорвало, они выдавали сингл за синглом и в кратчайшие сроки записали новый альбом. Их отрывали с руками, концертный график включал международные туры – и заграничные радиостанции охотно ставили в ротацию композиции русского коллектива.

Не было ни единого шанса уговорить их выступить в ночном клубе, пусть и самом пафосном, на юге России.

– Ладно, я посмотрю, что смогу сделать, – бесцветным голосом сказала Марина. Ничего она сделать не сможет. Продюсер «Waterfall» даже на звонок ее, скорее всего, не ответит...

– Вот чем я в тебе восхищаюсь в числе прочего – так это железной хваткой, – уважительно заметил Гарри. – Вышли мне на имейл остальные треки твоих ребят, в самолете послушаю. Еще вина?

Еще вина Летовой не хотелось, но она выпила, надеясь улучшить испортившееся настроение. Настроение не улучшилось, зато сил злиться по этому поводу поубавилось. Она проводила Гарри до такси, пожелав ему не слишком накури-

¹ Читайте об этом в романе Т. Коган «Бог в человеческом обличье».

ваться в Голландии, а сама остановилась в раздумьях. Встретиться с Тимуром? Или лечь пораньше? Может быть, сериал какой-нибудь посмотреть?

Узкий переулок – тихий и безлюдный, каких полно в центре Москвы – утонул в лучах закатного солнца. Летова повернула в сторону проспекта, едва не споткнулась о выбоину на тротуаре, выругалась на неудобные шпильки и снова чуть не упала. Навстречу шел прохожий, солнце светило ей в глаза, она видела только силуэт в капюшоне и спрятанные в карманы руки. Ей стало стыдно перед незнакомцем – подумает, наверное, что алкоголичка наела.

И это чувство неловкости за саму себя оказалось столь острым, что вынудило ее развернуться и пойти обратно в сторону офиса.

«Посижу в кабинете, протрезвею немножко», – подумала она, поднимаясь на крыльцо.

Вечерние лучи расчертили кабинет полосками светотени. Летова опустила жалюзи, зажгла настольную лампу и включила ноутбук. От нечего делать открыла страницу понравившегося фотографа и принялась пересматривать снимки. Один вызвал улыбку: большая белая медведица обнимала лапами двух крошечных медвежат. Они были такими чистенькими и пухленькими, что казались игрушечными. Интересно, как делаются подобные кадры? Сколько времени нужно караулить животных?

В подписи к фотографии значилось: «Сделано на острове

Врангеля, апрель этого года». Летова заметила вторую страницу и кликнула мышью, предвкушая новую порцию умиротворяющих картин Русского Севера. На второй странице была всего одна фотография.

Марина неотрывно глядела на снимок, ощущая, как по необъяснимым причинам пересохло во рту, а дыхание затруднилось. Неприятные события минувших дней стремительно отдалялись, как отдаляется картинка в отъезжающей камере, и казались блеклыми и незначительными по сравнению с изображением на экране ноутбука. Это была та самая, идеальная фотография. Летова перевела взгляд на авторскую подпись: «Вот и я испытал то же самое...»

* * *

Ее белая блузка так слепила глаза, будто впитала в себя палящее июльское солнце, и даже рассыпанные по плечам черные волосы не приглушали это ранящее, стерильное сияние. Смотреть на нее было столь мучительно, что мелькнула малодушная мысль: а не покончить ли с этим прямо сейчас, не ждать подходящего момента?

Но он тут же одернул себя: необходимо следовать заведенному порядку, однажды выбранной схеме. Без этого наступит хаос. Цикл не завершится, точка не будет поставлена. И все предыдущие жертвы окажутся напрасными.

Ее тонкие шпильки яростно цокали по асфальту, а ему ка-

залось, что они вонзаются в его напряженное тело, разрывая мышцы, круша суставы, заставляя кривиться то ли от боли, то ли от ее предчувствия.

Она выделялась из толпы, у него этот факт не вызывал сомнений, но почему-то никто не обращал на нее внимания. Мимо спешили прохожие, мчались по дороге машины, словно бы не происходило ничего экстраординарного, словно по тротуару не катилось упавшее солнце. Почему люди слепы к чужой красоте? Они действительно не видят или намеренно не хотят видеть?

Она зашла в магазин и вскоре появилась с прозрачным пакетом – он разглядел молоко и творог. Эта неуместная будничная деталь неприятно покорибила его, но он подавил приступ гнева. Все маленькие несовершенства вскоре перестанут иметь значение.

Она проследовала вдоль цветочных клумб, украшавших фасад дома, и свернула во двор. На детской площадке играли несколько ребятишек, две мамы сидели на лавочке поодаль и грызли семечки, о чем-то переговариваясь.

Она миновала первый подъезд, второй. Остановилась у третьего, чтобы достать ключ из сумочки, затем поднялась по ступеням и потянула на себя ручку массивной железной двери.

Это был хороший дом. Без камер, без назойливых старушек на скамейках, без консьержек.

– Погодите, придержите дверь, пожалуйста! – дружелюб-

ным голосом окликнул он и нырнул в подъезд следом за ней.

* * *

В седьмом часу утра в центральном сквере было пусто. Даже голуби, обычно в великом множестве оккупирующие площадь у монумента «Узел памяти», куда-то исчезли – в столь ранний час им было нечем поживиться, любители покормить птиц появятся не раньше полудня.

В воздухе дрожала тугая тишина, клубилась по улицам туманной, редющей пеленой. Пройдет еще какое-то время, прежде чем окончательно проснувшийся город наполнится шумом и суетой, развеяв заторможенное очарование раннего утра. А сейчас Сашка сидел на скамейке возле клумбы с петуниями. Его взгляд скользнул над желтым зданием с часами, по темно-зеленым сопкам, окружающим Магадан тугим кольцом. Оно прерывалось лишь в двух местах – там, где в сушу бескомпромиссно врезалось море.

Вопреки сырой прохладе, Сашку бросило в жар. Он стянул с себя толстовку и завязал ее вокруг пояса, оставшись в одной футболке. Свежий ветер куснул кожу, вызвав мурашки. Сашка невольно поежился, уперся локтями в колени, обхватив голову руками, и прикрыл веки, вспоминая минувшие сутки.

Он проснулся ни свет ни заря, чтобы прийти в мастерскую пораньше – на вечер у него имелись планы. Включил чай-

ник, сделал кофе и замер у окна с кружкой в руке. Напротив, чуть правее, возвышалась веселенькая многоэтажка, выкрашенная в розовый и оранжевый цвета. Смотрелась она нелепо, но глаз радовала – особенно осенью и зимой, когда однотонная окружающая действительность нагоняет тоску. Дом был неплох еще и тем, что у Сашки имелся доступ на крышу, откуда открывалась неплохая панорама города. Несколько снимков, сделанных оттуда, получились весьма эффектными.

Он привычно поднял глаза вверх, изучая знакомую крышу, и увидел стоящего на краю парня. Его светлая рубашка надувалась под напором ветра, а сам он стоял неподвижно, глядя вниз, на асфальтированную площадку перед подъездом.

Сашка нахмурился. Поспешно отставил кружку с недопитым кофе, схватил сумку с камерой и выбежал на улицу.

Дверца чердачного люка была отперта. Сашка выбрался на крышу – после темного лестничного пролета утренний свет на мгновение ослепил его. Он поморгал, давая глазам привыкнуть, и огляделся по сторонам. Стоявший на краю парень обернулся на шум и едва не потерял равновесие, с трудом удержавшись на краю.

– Лучше не подходи! – враждебно предупредил он.

Если у Сашки и имелись сомнения в намерениях незнакомца, то теперь отпали. Этот идиот собирался покончить с собой.

– И не собирался даже. – Он пожал плечами и указал на фотосумку на плече. – Я вообще-то сюда пофотографировать поднялся.

Парень с недоверием покосился на него, и Сашка медленно достал камеру, показывая, что не соврал, поднял вверх, как если бы демонстрировал, что безоружен.

Парень с сомнением кивнул, прикидывая, как вести себя дальше, но Сашка решил за него:

– Я тут займусь своими делами, не обращай на меня внимания.

И тут же принялся настраивать камеру, делая вид, что все остальное его совершенно не касается.

Его поведение смутило незнакомца. Похоже, тот почти не сомневался, что его начнут отговаривать, хватать за ноги и оттаскивать от края, и поэтому слегка растерялся, не получив ожидаемой реакции. Он снова отвернулся, вперив взгляд в простирившуюся под ногами пропасть.

Сашка наблюдал за ним краем глаза, теперь незнакомца можно было хорошо рассмотреть. На вид – не старше двадцати. Большие выразительные глаза, ровный нос. Лицо почти красивое, если бы не жалкое выражение, прилипшее к нему отвратительной маской. Такие лица идеально получаются на фотографиях. Сашка без предупреждения поднял камеру и сделал несколько кадров. Проверил результат на дисплее и невольно присвистнул.

– Ты чего?

– Что «чего»? – не понял Сашка, отрываясь от превью.

– Ты меня сфотографировал, что ли? – возмущенно спросил незнакомец.

– Ага, извини, лицо у тебя интересное.

– Удали.

– Вряд ли.

От подобной наглости паренек опешил, и Сашка не удержался, добавил:

– Тебе какая разница вообще? Ты же вроде прыгать собрался, так? Вот и прыгай. А я потом твою фотку на стоках продавать буду.

– Ни хрена себе ты козлина!

Сашка с трудом подавил улыбку.

– Я тебя по-человечески прошу, удали. – В голосе паренька звучала нарастающая злость.

– Это что, последняя воля умирающего? – продолжал издеваться Сашка.

– А если и так?

– Если так, то я не твой нотариус, мне плевать на твою последнюю волю. – Он снова примерился и пару раз щелкнул. Мимика у пацана грандиозная, надо признать. На Западе его уже давно заманили бы в рекламах сниматься. Поди, еще и знаменитым бы стал...

– Слушай, а шагни чуть левее, чтобы в кадр Свято-Троицкий собор попал, а? – Сашка махнул рукой на сверкающие под солнцем золотые купола и белоснежные стены. – Красно-

речивый получится снимок, многозначительный. Ты, кстати, в курсе, что раньше на месте этого храма стояла недостроенная высотка, с которой постоянно сигнализировали твои кореша?

Парень всерьез колебался – то ли наконец прыгнуть, то ли затеять драку и прыгнуть уже потом.

Сашка уселся на парапет и молча уставился на него.

– Ты чего сел? – Незнакомец начинал терять терпение.

– Ничего, отдыхаю. Я тебя отвлекаю, что ли?

Похоже, это стало последней каплей. Парень бросился на обидчика. Сашка едва успел вскочить с места и отбежать подалее от края – еще не хватало упасть вместо этого идиота. Нападал пацан неумело, но яростно; Сашка мог бы скрутить его в считанные секунды, но вместо этого лишь уворачивался, позволяя иногда ударить себя. Минут через пять несостоявшийся самоубийца выдохся и согнулся, уперев ладони в колени и тяжело дыша.

Сашка вытер кровь с разбитой губы и снова уселся на парапет:

– Ну что, полегчало?

– Пошел ты, – отмахнулся тот, направившись к краю крыши.

На долю секунды Сашка испугался, что он все-таки прыгнет, но парень поднял валяющуюся на полу ветровку и вытер ею вспотевший лоб.

– Александр. – Сашка протянул руку, и его ладонь на несколько мгновений повисла в воздухе.

– Евгений. – Парень нерешительно ответил на рукопожатие и уселся рядом, явно не зная, куда себя деть.

Несколько минут они неловко молчали. Сашка первым нарушил тишину.

– Слушай, мне пора на работу бежать. Как у тебя на днях со временем? Я знаю, что это прозвучит странно, но ты можешь меня сильно выручить.

– Я? Выручить?

– Угу. Я иногда подрабатываю фотографом – сюрприз! – и у меня есть заказ на рекламу мужского парфюма. Они еще не выбрали лицо, и я бы хотел предложить им тебя.

– Ха-ха, – Евгений усмехнулся, подняв большой палец вверх. – Продолжаешь троллить?

– Я серьезно. – Сашка потянулся за камерой и повернул дисплей, чтобы собеседник увидел. – Посмотри, у тебя же модельная физиономия! Вот такое выражение, как здесь, сможешь на заказ сделать? Платят они хорошо.

Евгений скосил взгляд на дисплей, все еще сомневаясь.

– Давай так. – Сашка достал из кармана визитку. – Вот тут мой номер, если созрешь – позвони. Или мыло пришли в смс, чтобы я тебе фотки сегодняшние скинул.

Он позволил себе улыбнуться, только когда спустился на лестницу. Он не сомневался, что новый знакомый ничего с собой не сотворит. По крайней мере, сегодня.

В автосервис Сашка приехал позже, чем планировал, и до самого вечера возился с «Каддилаком Девиль». Машина

шестьдесят третьего года, и чинил ее раньше кто-то криво-рукий – резьба везде разная, болты сорваны. Уйма времени ушла на то, чтобы поставить новую коробку передач и отрегулировать детали.

Вечером он собирался отправиться на сопку, с вершины которой открывался потрясающий вид на Магадан. Зимой зрелище ночного города, мягким светом сверкающего в густых сумерках, словно жемчужина в темной раковине, завораживает. Летом, когда царят белые ночи и солнце почти не садится, панорама ничуть не хуже, хотя и не такая контрастная.

Он часто забирался на сопки – полюбоваться на закат, пофотографировать природу. Колымскую природу с амазонскими джунглями или дальневосточной тайгой не сравнишь: деревца низенькие, тщедушные. Ни высоты, ни пышности, ни размаха. Но какое блаженство бродить в зарослях мохнатого, стелющегося по земле стланика, боясь заблудиться в хвойном лабиринте... Перелезть через змеевидные выгнутые корни, вылезшие из промерзшей почвы на поверхность в тщетной попытке согреться... Цепляться за ветви карликовых берез, вырастающих за сотню лет всего на метр-полтора, и, освободившись осторожно, дабы не растоптать прячущиеся под мшистой толщей побеги, идти дальше...

Сашка родился и вырос на Колыме. За свои двадцать четыре года он лишь раз выбирался на юг. Пышная субтропическая растительность одуряла вычурностью и ароматами,

нежное море ласкалось котенком, а агрессивное солнце жалило, прожигая до костей. Первые пару дней Сашка ходил будто пришибленный, а потом начал скучать. Южная сказка казалась ему утомляющей глаза многоцветной картинкой, не имеющей ничего общего с реальной жизнью.

Он гулял по благоухающему саду на территории отеля, где отдыхал, и невольно представлял, как бы мгновенно зачали вульгарные, самодовольные пальмы, помести их на денек в условия Крайнего Севера. Фантазия была, прямо скажем, некорректная – каждое растение приспособлено к тому климату, в котором тысячелетиями произрастает. Но, потворствуя извращенному воображению, нет-нет да и улыбался гипотетическим итогам гипотетического же эксперимента.

Диск солнца провалился за горизонт, но небо лишь немного потемнело, утратив насыщенность. Автобус лениво катился по проспекту Ленина, а мелькавшие в окнах серые столбы потухших фонарей (летом лампы отключают) казались гигантскими засохшими стеблями.

Сашка вышел на остановке «Четвертый километр основной трассы», спустился по отлогому склону к пыльной ухабистой тропинке, петляющей между домами частного сектора, который называют в народе «шанхаем». Дорога вела вниз, будто бы давая путнику шанс отдохнуть перед грядущим затяжным подъемом. Широкий бурлящий ручей, преградивший путь, Сашка перешел по длинному трубопроводу, проложенному над землей на высоте около двух метров.

Скопление ветхих домишек, наполовину скрытых дощатыми заборами, осталось позади. Сразу за трассой начинался склон сопки. Где-то впереди, у обочины, стоял припаркованный джип с зажженными сигнальными огнями – другие любители погулять по сопкам на ночь глядя то ли уезжали, то ли, наоборот, только приехали.

Травянисто-мшистая почва пружинила под кроссовками. Вырви из земли клочок мха – и от этого места сразу повеет льдом. До вершины – двадцать минут быстрым шагом. Сашка ускорился, подчиняясь интравертному порыву быстрее очутиться в полном одиночестве. Магадан – город небольшой, жителей в нем – всего-то сто пятьдесят тысяч. Но даже эти сто пятьдесят тысяч порядком утомляли, когда долго не удавалось выбраться в безлюдную местность.

Он углубился в пролесок, намного отклонившись от пройденной тропы, и какое-то время поднимался вверх, продираясь сквозь преграждающий путь валежник. Наконец чаща поредела, пахнуло сырым ветром – прорвавшийся сквозь хвойные лабиринты летний муссон выхолаживал вершину, нагонял туман.

Сашка обернулся – внизу, у подножия сопки, мерцали неверным светом городские огни. Панорамных снимков Сашка сделал великое множество, и все равно каждый раз хотелось еще (в этот раз уже точно все!).

Он сел на гладкий, сохранивший дневное тепло валун и несколько минут не двигался, околдованный волшебством

ночи. А затем достал треногу.

Ночью издалека Магадан всегда выглядит заброшенным, несмотря на горящие гирлянды окон. Сашке представлялось, будто по какой-то драматической причине все жители разом покинули город, не позаботившись в спешке выключить свет. Толкавшая их вперед причина была слишком чудовищной, не терпящей ни секунды задержки. Ему хотелось передать на фото именно это ощущение тревожной покинутости.

Он усмехнулся, вспомнив, как в прошлом году провел целый день в Кадыкчане. Вот там – настоящая покинутость, не вымышленная, пробирающая до дрожи. Черт его дернул одному туда попереться! Добрался до пункта назначения ранним утром на попутке. Водила, дальнобойщик, посмотрел на него как на больного, но отговаривать не решился.

В переводе с эвенского «кадыкчан» означает «долина смерти». Коренные колмычане боялись этого места как чумного (земля якобы недобрая), а советские геологи отыскиали там уголь и построили шахтерский поселок. Когда-то здесь жило больше десяти тысяч человек, но после взрыва на шахте в 1996-м все резко пришло в упадок, а после размораживания единственной действующей котельной жизнь и вовсе прекратилась.

Сашка давно хотел поснимать город-призрак, но к тому, что увидел, готов не был. Он шагал по вымершим улицам, мимо пустых пятиэтажек, школ и больниц, ломая ботинка-

ми осколки разбросанного повсюду стекла. Ветер блуждал в провалах зданий, петлял между разрушенных стен, выметал пыль из оставленных нараспашку и разграбленных квартир. Его тогда накрыл совершенно животный, неконтролируемый страх, за который ему тут же стало неловко. Еще несколько часов он бродил по пустынным улицам, фотографировал старые машины в гаражах, упавшие на пол книжные стеллажи в домах, брошенные детские игрушки, расстрелянный из винтовки памятник Ленину на площади – и, едва набрав нужный материал, поспешил убраться восвояси.

Опыт был любопытный, но повторить его в одиночестве Сашка бы не отважился. Очень уж неприятные эмоции вызвал у него тот мертвый город.

Сашка упаковал фотоаппаратуру, бросил прощальный взгляд на спящий Магадан и пустился в обратный путь – шел второй час ночи. Он пробыл на сопке совсем недолго, но успел продрогнуть и проголодаться. На середине спуска его внимание привлек необычный звук, идущий из редколесья. Что это за шум, было неясно. Мог и медведь пробираться сквозь бурелом, и лисица охотиться за бурундуком, и заяц остервенело копать землю под ближайшей лиственницей. Стараясь не шуметь, Сашка достал камеру и осторожно двинулся на звук, который, по мере приближения, приобретал все более странные отголоски.

В какой-то момент Сашка почти уверился, что разобрал человеческие голоса, но тотчас все снова затихло, а затем

что-то зашуршало, то ли перекатываясь, то ли волочась по земле. Пригнувшись, он бесшумно нырнул в заросли стланника с камерой на изготовку. Что бы там ни происходило, это стоило запечатлеть для истории. Случайные кадры всегда самые удивительные.

Две серые фигуры возникли едва ли не перед носом – их отделяло всего несколько метров, и Сашка разочарованно вздохнул – это всего лишь люди. Он собирался повернуть обратно, но любопытство – и ощущение странного несоответствия – заставило его задержать взгляд. Двое мужчин (лиц он разобрать не мог) возились возле низкорослого кустарника, загребая землю и опавшую хвою. Для сбора ягод и грибов еще рано, да и какой идиот пойдет собирать ягоды и грибы ночью? Сашка машинально навел фокус и пару раз нажал на кнопку. Щелчок фотоаппарата прозвучал в окружающей тишине неожиданно громко. Две фигуры замерли – и Сашка вместе с ними. Не очень-то вежливо подглядывать за людьми, чем бы они тут ни занимались. Какими словами объяснить, что он (так сложилось) всего лишь проходил мимо и не собирался шпионить?

Он задержал дыхание, боясь выдать себя. Он терпеть не мог, когда вторгались в его личное пространство, поэтому и сам избегал лезть не в свои дела. Несколько секунд незнакомцы прислушивались, а затем поднялись, о чем-то тихо переговариваясь. Один держал в руках лопату с укороченной рукояткой – в светлом сумраке отчетливо темнело широкое

лезвие с налипшей грязью. Сашка отступил на шаг в сторону, упершись спиной в ствол лиственницы и полностью скрывшись из виду. Он простоял, не шевелясь, минут пять, прежде чем решился выглянуть из укрытия – поляна уже опустела.

Взгляд невольно задержался на том месте, где недавно маячили два силуэта, а теперь лишь еле заметно возвышалась неровная насыпь да зеленел косматыми ветвями кустарник. Сашка заколебался на мгновение, а затем решительно развернулся и зашагал прочь, негодуя на собственное замешательство.

«Тебе не должно быть никакого дела до этих двоих! – мысленно укорял он себя, выбираясь на ведущую к трассе тропу. – Возможно, странно встретить кого-то ночью на сопке, но, с другой стороны, сам-то ты, на минуточку, где находишься? Мало ли что движет людьми! Бессонница, жажда приключений или желание отдохнуть от городской суеты. Тебя это в любом случае не касается».

Сашка остервенело раздвигал ветви, то и дело хлеставшие его по лицу, все сильнее злясь на свое неуместное любопытство. Но что-то не давало ему покоя, заставляя вновь и вновь прокручивать в памяти случайную встречу. Когда заросли отступили, открывая пологий, почти лысый склон, Сашка ускорился, подсознательно стараясь побыстрее удалиться от того места, которое так его смущало.

«Они что-то закапывали? Ночью? На сопке?»

Проклятие. Он резко остановился, нервно перевесил сум-

ку на другое плечо и повернул обратно.

Поляна по-прежнему была пуста. В воздухе разливалась дрожащая сырость, пробиралась под куртку, но разгоряченный ходьбой Сашка больше не чувствовал холод. Крутившаяся в голове мысль становилась все более назойливой, раздражая, побуждая раз и навсегда покончить с нею.

Сашка огляделся, стыдясь принятого решения, опустил-ся на корточки и принялся разгребать рыхлую кучу. Земля поддавалась легко, иглы хвои и острые щепки кололи пальцы и норовили вонзиться под ногти. В какой-то момент Сашка психанул и остановился, осмысливая свой поступок. Может, семья любимого питомца похоронила, а он разрывает могилу, как больной вандал? От этой мысли по спине пробежал холодок, но все та же навязчивая мысль не дала ему остановиться на полпути – он ведь все равно не успокоится, пока не выяснит правду. Пусть даже этой правдой окажется то, что он последний кретин и параноик.

Его пальцы коснулись чего-то мягкого и гладкого, но Сашка не сразу понял, что это такое. Пришлось копнуть еще несколько раз, игнорируя попавшую в ладонь занозу. Один гребок, второй, третий. Будь сейчас день, он бы сразу понял, что раскопал. Но в тусклом свете белой ночи понадобилось не меньше минуты, чтобы распознать среди черных комьев почвы узкое женское запястье.

В отделении полиции Сашку продержали несколько часов. Он снова, снова и снова повторял свою историю и пока-

зывал два сделанных наспех снимка. Лицо одного мужчины было видно в профиль довольно отчетливо, а вот ракурс второго давал лишь общие сведения о внешности: рост – около 180, среднее телосложение, короткие темные волосы.

Сашка отвечал на вопросы следователя, послушно описывая каждый свой шаг и каждую увиденную деталь, но ощущал себя так, словно наблюдает за беседой со стороны. Он вроде бы открывал рот, произносил членораздельные фразы, но при этом не участвовал в происходящем. Происходящее казалось абсурдной, жестокой иллюзией.

К моменту начала осмотра криминалистами места преступления Сашку уже отвезли в отделение. Двумя часами позднее следователь показал ему снимки убитой, и увиденное вырвало его из анабиоза, заставляя понять, что это не дурной сон, а самая настоящая реальность.

Она была юной, на вид – не больше восемнадцати, и очень худенькой. На мертвенно-бледном лице ярким пятном розовели губы – сочные, полные жизни, такие неуместные у покойницы. Сашка не сразу сообразил, что это помада.

Следователь говорил о том, что сделанные им снимки – невероятная удача и очень помогут следствию, что сейчас он может идти, но в ближайшее время пусть не покидает город – его показания еще понадобятся. Сашка кивал и, вероятно, выглядел таким пришибленным, что следователь лично проводил его до выхода.

Утром он покинул старое, давно нуждавшееся в ремонте

здание отделения полиции, добрел до центрального сквера и уселся на скамью...

Сашка поднял рассеянный взгляд, с трудом выныривая из воспоминаний. Город окончательно проснулся, пуская по veins улиц потоки автомобилей и пешеходов. Ровно сутки назад он вышел из дома, а такое впечатление, что с тех пор минула целая вечность. Казалось бы, он только недавно наслаждался утренним кофе – и вот уже стоит на краю крыши, отчаянно соображая, как вести себя с этим несчастным пареньком, запутавшимся настолько, что даже самоубийство выглядит для него привлекательной перспективой. Что же за драма с ним случилась, какую боль пришлось пережить, чтобы принять самое ошибочное из всех возможных решений?

Сашка хреново разбирался в психологии и понятия не имел, как вести себя в подобных ситуациях. Единственное, что он мог сделать, – это попытаться поставить себя на его место и вообразить, какие бы действия со стороны могли бы задеть его, встряхнуть.

У него получается, и он мысленно ликует, а мгновение спустя уже поднимается на сопку и обнаруживает труп девушки. Не зря друзья постоянно иронизируют, что Сашка всегда оказывается в нужное время в нужном месте.

Господи, он же находился в нескольких метрах от ее убийц! Он дал им уйти! Если бы он понял, в чем дело, то смог бы задержать их – по крайней мере, попытался бы. Дрался он неплохо – спасибо интернатскому детству, – так

что шансы имелись. На снимке у одного из мужчин следовательно разглядел заткнутый за пояс пистолет, и, скорее всего, он воспользовался бы им еще до того, как Сашка бы успел приблизиться. Но ведь от этого все равно не легче. Из-за своей деликатности он упустил убийц!

Но и жив остался тоже благодаря этому.

Хмурые прохожие торопливо пересекали сквер, спеша на автобус. Материализовавшиеся из ниоткуда голуби семенили следом в надежде на угощение. Сашка надел толстовку, закинул на плечо сумку с фотоаппаратурой и поплелся к автобусной остановке. Заезжать домой не имело смысла – лучше напрямиком на работу. Закончит пораньше и попробует отоспаться. Хотя, положив руку на сердце, Сашка сомневался, что в ближайшие ночи ему не грозит бессонница...

* * *

Нужного письма в электронном ящике не было, и это раздражало. Вчера, после того как прошло первое потрясение, Марина написала фотографу на указанный в его личном профиле адрес. Объяснила, что звукозаписывающий лейбл жаждет купить одну из его фотографий для оформления альбома.

Летова привыкла работать быстро и ждала того же от других. Вынужденное ожидание всегда выводило ее из равновесия. А теперь вдобавок к этому в голову лезли глупые мыс-

ли: а что, если фотограф заартачится и по какой-то причине откажется продавать снимок? Что тогда?

Марина снова посмотрела на фотографию на дисплее компьютера – с такой обложкой «Арктику» обязательно заметят. Сперва люди реагируют на обертку, а уж потом на содержание.

Она снова обновила страницу – новых писем нет. Пролистала ежедневник: через полчаса встреча с директором одного бойз-бэнда. Год назад без особого энтузиазма Марина решила подписать с ними контракт и не прогадала – школьницы сходили по группе с ума, диски продавались отлично. Через два часа – переговоры с рекламной службой столичного телеканала (нужно убедить их сделать скидку).

Единственный способ не ждать злополучного письма – с головой погрузиться в работу.

– Тук-тук, не занята? – Виктор Стеблин просунул голову в проем двери. – Ты просила статистику по продажам за прошлый... – Он осекся. – Марина Николаевна, ты в порядке?

– А? Да, все нормально. – Она натянуто улыбнулась. – Проходи, Вить.

– Вид у тебя больно озабоченный, – заместитель уселся напротив, положил на стол несколько листов с распечатками. – Ты об «Арктике» переживаешь, да?

– Меня так легко прочесть?

– Да ты сама себя вслух декламируешь. В офисе только глухой не слышал, какие ты дифирамбы поешь своему ново-

му проекту.

– Нашему новому проекту, – поправила его Летова. – Хотя и проекта еще толком нет никакого, и может вообще не быть, если я не найду под них дистрибьюторов.

– Да, я слышал, что Гранин в отказ пошел, – сочувственно кивнул Стеблин. – Знаешь, у Анютки в его фирме подружка какая-то работает, может, она сможет как-то повлиять на ситуацию, а? Маловероятно, конечно, но попробовать можно.

– У Анютки? Ты про деву из юридического отдела? – ожилилась Марина. – Вот так так! И давно она для тебя Анюткой стала?

Стеблин изобразил смущение, одернул рукав пиджонского пиджачка:

– Пару месяцев как.

– И что? Все нормально у вас?

– Даже лучше, чем нормально.

– И я узнаю об этом последней, верно? – усмехнулась Марина. – Поздравляю, Вить. А я думала – ты гей.

– Ничего ты не думала, Марина Николаевна. Просто бесилась, что я тебя не кадрю, а соблюдаю сугубо деловые отношения, – заржал Стеблин.

– Ага, раскусил меня, мерзавец. – Марина улыбнулась, на этот раз искренне. Стеблин, один из немногих в офисе, не боялся ее плохого настроения и парой фраз мог его изменить. Повезло ей с заместителем. Когда она надумает сменить сферу деятельности, то обязательно походатайству-

ет о его повышении перед господином Снегиревым. Лучшего продюсера (после нее, разумеется) он вряд ли найдет. Надо будет только самого Стеблина обработать – при его умениях у него недостаточно высокая самооценка. Удивительной неамбициозности человек.

– Ладно, поржали – и хватит, давай к делу, у меня встреча скоро. – Она потянулась к бумагам. – Мне нужно твое мнение по следующему вопросу...

Офис уже давно опустел, и Летова тоже засобиравалась домой, когда затрезвонил мобильник. Звонили со скрытого номера.

– Я вас слушаю.

– Это очень хорошо, что вы слушаете, – заговорил кто-то вкрадчивым голосом.

Она нахмурилась:

– Кто это?

– Это ваша большая ошибка, – объяснил мужчина. – Однако вы еще можете ее исправить.

Голос показался Марине знакомым, но чей именно, не сказала бы. В другой раз она бы просто положила трубку, но сегодня любопытство перевесило.

– И что же, по-вашему, я должна сделать?

– Вы сами поймете. А пока – просто предупреждение, – отрывисто сообщил тот и оборвал соединение.

Несколько секунд Марина смотрела на потухший дисплей

и решила не брать в голову. Мали ли ей идиотов звонит! Она взяла сумку и заперла кабинет.

«Вольво» был припаркован на другой стороне переуллка. Марина находилась на середине дороги, когда увидела несущийся прямо на нее автомобиль. Водитель то ли напился, то ли отвлекся, не замечая пешехода. Марина успела отскочить в сторону, быстро добежала до тротуара и посмотрела вслед удалявшемуся лихачу.

– Вот козел! – выругалась она, доставая ключи от машины. И снова ожил телефон.

– Я забыл добавить, – заговорил все тот же негромкий голос. – Если вы поступите правильно, то вам нечего будет опасаться.

И отключился.

Марина озабоченно посмотрела в зеркало заднего вида, поправила челку. Вот теперь она малость напряглась. Сначала непонятный звонок, затем лихач, и снова звонок с явным намеком на угрозу. Скорее всего, инцидент на дороге не имел ничего общего с телефонным незнакомцем – дебилов за рулем полно, на столичных дорогах постоянно кого-то давят. Но что, если имел? Что, если...

Она выбрала в телефонной книге контакт и набрала номер.

– Алло, не отвлекаю?

– Отвлекаешь, конечно.

– Как сильно по шкале от нуля до десяти?

– Баллов на десять.

– Значит, я могу подъехать? Нужна твоя консультация.

– И пожрать чего-нибудь захвати, я с утра не емши.

– Договорились. Буду через полчаса.

Марина повернула ключ зажигания.

В отделении полиции она поднялась по лестнице на второй этаж, улыбнулась двум молодым мужчинам в форме, с деловым видом проследовавшим мимо, и постучала в дверь кабинета.

– Одну минуту! – раздался голос подруги.

Марина не успела отойти от двери, как та распахнулась, и из кабинета стремительно вышел мужчина, едва в нее не впечатавшись. На вид ему было около пятидесяти, одет дорого, идеально стриженные седые волосы и ухоженное лицо делали его похожим на персонажа рекламных постеров о богатой жизни.

Несколько секунд они стояли друг напротив друга, пока Марина не сообразила отступить в сторону:

– Извините.

Вместо ответа мужчина еще мгновение прожигал ее взглядом, а затем нервной походкой направился к лестнице.

– Кто это вообще был? – первым делом спросила Марина, войдя в кабинет и усаживаясь на неудобный стул.

Следователь полиции Алина Рябкина, а по совместительству подруга с институтской поры, вяло отмахнулась и потя-

нулась за пузатым бумажным пакетом, заглянула внутрь.

– Что принесла? – поинтересовалась она, вытаскивая коробочки со съестным. – Что это такое?

– Тайская еда.

– Вот ты не можешь без выкрутасов, да? – притворно насупилась Рябкина. – Нет чтобы нормальной еды привезти!

– Нормальной – это какой? Той, что у тебя на боках висит? Гамбургеры и картофан? – съязвила Марина.

Они были знакомы тысячу лет и не обижались на подколы. Некоторые общие знакомые называли их сиамскими близнецами за абсолютно похожие характеры, хотя внешне они сильно различались: Летова – стройная невысокая брюнетка, а Рябкина – дородная бабца под метр восемьдесят с мышинным цветом волос.

– Злая какая. – Следователь укоризненно покачала головой и понюхала содержимое первой коробочки. – Пахнет неплохо, живи. А мне запас калорий жизненно необходим, я головой работаю, спасаю население от негодяев. И тебя, кстати, тоже, цени.

– Я, наверное, зря заглянула? Оторвала тебя от дел, вон даже посетитель твой психанул.

Рябкина, жуя, пояснила:

– Наоборот, хорошо, что пришла, я уже не знала, как от него избавиться.

– Ты – и не знала, как избавиться?

– Да, понимаешь, он странноватый, но безобидный.

Несчастный просто очень. Драма у него в семье произошла пару лет назад, вот он регулярно навещается ко мне, интересуется, как следствие идет.

– И как идет следствие?

– Да плохо идет. – Рябкина макнула кусок курицы в соус и отправила в рот. – Никаких зацепок, никаких подозреваемых.

Марина окинула взглядом пустые рабочие столы – обычно здесь полно оперативников.

– А где все твои?

– Да на выездах. Говорю же, аврал. Опять серийное убийство.

– О?

– Вот у этого мужика, с которым ты столкнулась, зарезали у лифта жену. Ценности и деньги не взяли, следов насилия тоже не обнаружено. Месяц спустя в нашем районе произошел повторный случай: молодую женщину – тоже черноволосую и тоже у лифта – нашли мертвую. Схема убийства такая же. Три ножевых в спину, два из них смертельные. А через три месяца – снова повтор, и снова через полгода. Вчера был седьмой случай. Мы тут на ушах уже все... На улицах орудует серийный маньяк, а у следствия даже подозреваемых приличных нет. Хорошо хоть, пресса не пронюхала пока.

– «Я головой работаю, спасаю население от негодяев», – передразнила ее Марина. – Хреновый ты следователь, Рябкина.

– Ложь и клевета. Статья сто двадцать восьмая УК РФ. Наказывается штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы за период до шести месяцев. Следовательно я нормальный, а иногда даже отличный.

– А может, это тот? – Марина сделала неопределенный жест рукой. – Ну, седовласый. Может, он сперва свою жену прихлопнул, а потом всех остальных?

Рябкина от возмущения остановила занесенную вилку:

– Ну, ты давай поучи меня, как преступления раскрывать! Тебя ж твои певички и сладкоголосые пацанята наверняка многому научили. Разумеется, мы его первым делом отработали. На момент убийства жены он находился в офисе, его человек двадцать сотрудников видели, алиби железное. И с женой они душа в душу жили, поэтому его так и подкосило. По-моему, он после ее смерти даже немного того. – Рябкина выразительно покрутила пальцем. – Хотя чувак бизнесом управляет и вроде пока не разорился. Значит, голова все-таки в порядке. Ладно, чего я тебе все это рассказываю, у тебя своих забот полно. Ты ведь спросить о чем-то хотела, да?

– Да это все ерунда, скорее всего, – неуверенно пробормотала Летова. – После твоих баек я со своей проблемой как дура буду выглядеть.

– Ой, прекрати. Выглядеть как дура – это твое обычное состояние. – Алина Рябкина не удержалась от маленькой мести. – Ладно, выкладывай уже. А то мои орлы скоро прилетят, не поговоришь толком.

Летова кратко поведала ей о недавнем анонимном звонке и несостоявшемся наезде и по скептическому выражению лица подруги поняла, что беда ее не стоит и выведенного яйца.

– Нет, ты не думай, что я несерьезно настроена, – объяснила ей Рябкина. – Но просто пока зацепиться особо не за что. Тебе разве первый раз звонят идиоты?

– Бывало, конечно, – вынужденно согласилась Марина.

– И кулаками трясли, когда ты отказывала очередной бездарности, да?

– Угу.

– Но дальше сотрясания воздуха дело не шло?

– Не шло, – снова согласилась Летова.

– Давай так. В следующий раз, когда (и если) этот аноним позвонит, сразу же включи диктофон, договорились? Если он в открытую станет тебе угрожать, тогда начнем суетиться. Ты, главное, не переживай. Я вообще не понимаю, чего ты так завелась. Это я тебя обычно накручиваю, а не наоборот.

– Сама не знаю, – уныло проговорила Марина. – Неделя нервозная: сначала не могли подобрать фото на обложку, потом группу одну... – Она осеклась, увидев взгляд подруги. Та смотрела на нее так, как узник Бухенвальда мог бы смотреть на шеф-повара, отбраковывающего форель.

– Ладно, затыкаюсь, – Летова встала. – Куда нам, плебсу, до ваших великих дел...

– Вот за что я тебя уважаю, подруга, так это за адекват-

ную самооценку, – Рябкина рассмеялась и поцеловала ее в щеку. – Спасибо, что зашла. Я хоть дух перевела, а то совсем закопалась с этой работой.

Уже давно стемнело, комната тонула в сумраке, который в крупном городе никогда не бывает абсолютным. Марина сидела на диване и потягивала из бокала вино, глядя в окно. Торговый центр переливался огнями, на стоянке бесконечно парковались и отъезжали автомобили, и эта однообразная монотонная суэта успокаивала. Когда Марина только купила квартиру, она первое время могла подолгу сидеть вот так у окна, медитировать, предаваясь собственным мыслям.

Но сейчас ее голову занимал лишь один вопрос: как добиться согласия «Waterfall» на выступление в сочинском клубе? Очень хотелось дать возможность ребятам из «Арктики» немного заработать и почувствовать вкус выступлений перед большой аудиторией. Рано или поздно она придумает, как издать их альбом, и у них наверняка найдутся поклонники, но до того момента может пройти много времени. А Марина отлично знала, как время способно убить любой энтузиазм. Сколько талантливых людей бросали творчество, не получив хоть каплю одобрения и поддержки! Тяжело выворачиваться наизнанку и понимать, что это никому не нужно.

Летова отставила бокал с вином на журнальный столик и взяла мобильный. Продюсирует «Waterfall» жена солиста,

Марина Крестовская. Договариваться нужно с ней – и это самое противное. Странная дамочка. Летова пересекалась с ней несколько раз, и с каждым разом неприятное впечатление лишь усиливалось.

Летова понятия не имела, с чем оно связано. Крестовская вела себя профессионально, хорошо управляла делами группы. В фанатской среде говорили, что это именно она однажды убедила Илью всерьез заняться музыкой и собрать коллектив. Она же добилась того, что новоявленную группу записал один из крупнейших российских рекорд-лейблов. В деловом плане упрекнуть ее было не в чем. Неприятие шло на эмоциональном уровне. Каждый раз, когда Летова видела Крестовскую в окружении парней из «Waterfall», создавалось впечатление, что эта дама – вежливая, даже отрешенная – запросто перережет тебе горло, если посчитает это полезным для группы и особенно для ее солиста. В том, как она смотрела на мужа, сквозило что-то нездоровое.

«Чего только не нафантазируешь о другом человеке, лишь бы избежать неприятного разговора! – упрекнула себя Летова. – Звонить надо, и ты это знаешь».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.